

УДК 882
ББК 80/84

DOI: 10.33065/2307-1052-2021-4-38-28-34

Образ Екатерины II в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»: принципы формирования и особенности функционирования

Одаева Любовь Андреевна,

студент историко-филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Демидова Татьяна Эрастовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия, orcid.org/0000-0002-5115-1939

Аннотация. В данной статье рассматривается эпизод встречи Екатерины II и казаков Запорожской Сечи в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством». Проводится анализ портрета императрицы, поведения ее свиты и пространства дворца. Устанавливается роль Григория Потемкина в образной системе произведения. Авторы раскрывают принципы формирования образа Екатерины II, а также показывают преемственность традиций изображения императрицы в литературе на примере повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Ключевые слова: образ художественный, деталь, ирония, Екатерина II, Потемкин

Image of Catherine the Great in «The night before Christmas» by Nikolai Gogol: Principles of Formation and Features of Functioning

Odaeva Lubov. A.,

Student, School of History and Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

Demidova Tatiana E.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia, orcid.org/0000-0002-5115-1939

Abstract. This article examines the episode when Catherine the Great meets the Cossacks of the Zaporozhian Sich in the story “The night before Christmas” by Gogol. The portrait of the Empress, the behavior of her retinue and the space of the palace are analyzed. The role of Grigory Potemkin in the figurative system of the work is established. The authors reveal the principles of forming the image of Catherine the Great, as well as show the continuity of traditions to use the Empress image in literature providing the example of Pushkin’s story “Captain’s Daughter”.

Keywords: artistic image, detail, irony, Catherine the Great, Potemkin

Повесть «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя рассказывает об исторических реалиях в сказочно-фантастическом ключе. Статья посвящена анализу образа Екатерины II в данном произведении. Фигура императрицы занимает почетное место в истории России. Но литературоведение уделяло сравнительно малое внимание данному персонажу. На наш взгляд, это связано с идеологией прошлого столетия, когда образы представителей царской власти редко становились предметом изучения. Этим объясняется актуальность работы. Целями исследования являются обобщение мнений литературоведов о функционировании образа Екатерины II в произведении и анализ эпизода встречи императрицы с казаками Запорожской Сечи.

Произведения, в которых представителей царской власти показывались открыто, обращали на себя строгий взгляд цензуры, а их создатель вовсе рисковал поплатиться свободой за свою точку зрения. Вероятно, именно по этой причине Екатерина II фигурирует в литературе в основном в качестве эпизодического персонажа. Не стала исключением и повесть «Ночь перед Рождеством», написанная Гоголем (одним из первых изобразивших Екатерину II в XIX веке) в период с 1830 по 1832 гг.

Обратимся к эпизоду повести с участием императрицы. Эпизод открывается ее портретом. В описании внешности Екатерины II Гоголь использует скрытую иронию. Между цитатами в произведении помещен большой фрагмент текста, что при визуальном восприятии не сразу позволяет обратить внимание на троп. Вакула *«увидел стоявшую перед собою **небольшого роста** женщину, несколько даже **дородную**, напудренную, с **голубыми глазами**»* [Гоголь 1994: 24]. А уже в конце встречи Гоголь описывает реакцию императрицы на комплимент в свой адрес: *«...государыня, которая точно имела **самые стройные и прелестные ножки**, не могла не улыбнуться»* [Гоголь 1994: 24]. При внимательном рассмотрении становится видна явная насмешка: государыня не может являться обладательницей изящных ножек, так как ранее наделяется совершенно противоположными чертами внешности.

С другой стороны, идеалы красоты конца XVIII столетия отличались от современных. Как отмечает историк моды Ольга Вайнштейн, в России в тот период любили дородных женщин [Вайнштейн 2016]. Поэтому в описании внешности Екатерины II можно отметить еще одну интересную деталь: русская полнота контрастирует с типичной приметой немецкой наружности – голубыми глазами. Так Гоголь изображает немку на российском престоле.

Далее ирония усиливается через иллюстрацию характера действий императрицы и поведения ее свиты: *«...государыня **засмеялась**. Придворные засмеялись тоже. Потемкин и хмурился и улыбался вместе»* [Гоголь 1994: 24]. Сначала проявление эмоций демонстрирует Екатерина II, и только после нее это себе позволяют придворные, что подчеркивает иерархичность и декоративность жизни царского двора. За этой «миражностью» Л. И. Гаджиева усматривает «истинный драматизм исторических перипетий», так как через все повести цикла проходит мотив царской власти, где главенствующая роль принадлежит государыне [Гаджиева 2006: 183–185].

Зададимся вопросом, действительно ли Гоголь в данном случае изображает императрицу в качестве главы государства, или Екатерина Великая является лишь формальной царицей, а фактически империей управляет ее верноподданный фаворит. Чтобы ответить на вопрос, обратимся к образу Потемкина более подробно, тем более Н. В. Гоголь подает образ императрицы и Потемкина в паре.

Потемкин является одним из главных представителей екатерининской свиты. Его образ в произведении достаточно близок историческому облику князя:

«...величественного роста, довольно плотный человек в **гетьманском** мундире, в желтых сапожках» [Гоголь 1994: 24]. Из статьи А. Л. Зорина узнаем, что «Указ о наименовании Потемкина Великим Гетманом Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск был подписан 10 января 1790 года» [Зорин 2000: 129], а описанная встреча казаков Запорожской Сечи с Екатериной II состоялась в 1774 году. Художественное время не совпадает с историческим, следовательно, писатель намеренно показывает Потемкина в более высоком положении.

Известно, что гоголевское фольклорное мышление обнаруживает тесное переплетение с мифологическим наследием Петербурга уже на ранних этапах творчества. По утверждению Н. А. Синдаловского, основу диалога Вакулы с одним из запорожцев составляет анекдот, который писатель, вероятно, зафиксировал в Петербурге: «Зимний дворец. Входит Потемкин. «Это царь?» – оглядываясь по сторонам, спрашивает пораженный провинциал. «Куда там царь! Это сам Потемкин», – отвечают ему знатоки» [Синдаловский 2009]. Ставя Потемкина в позицию выше царя, Гоголь отражает видение народом политической ситуации того времени. Потемкин в глазах запорожцев (и петербургского общества) превосходит императрицу, следовательно, фактически функции управления находятся в руках князя. Таким образом, с помощью внедрения в текст указанной малой формы фольклорного жанра Гоголь усиливает ироническое изображение Екатерины II, преподнося ее в качестве формальной (а не фактической) хозяйки престола.

В этом отношении совершенно особо раскрываются функции интерьера дворца. Писатель, например, детально освещает процесс восхождения запорожцев по лестнице. Н. В. Злыднева считает, что образ лестницы является своеобразным способом соединения разобщенных между собой миров: в нашем случае связь украинских окраинных земель (мир Вакулы) и столицы (мира Екатерины II) [Злыднева 2008]. В исследуемой нами повести находим перевернутую пародийную ситуацию: канун Рождества, лестница, соединяющая два мира, вот только представлена она глазами кузнеца Вакулы, который профессиональным взглядом, пребывая в состоянии восторга от увиденного, пытается оценить ее стоимость.

Эффект пародийности усиливается в эпизоде с висевшей на стене картиной. Обратим внимание на реакцию кузнеца. Вакула, как и подобает человеку его рода деятельности, восхищен техникой исполнения картины. Но в то же время, будучи человеком набожным, «не чувствует желаний перекреститься и обратиться к лику святых с молитвой о помощи» [Лепяхин 2000: 212]. Он видит младенца именно усмевающимся, а не улыбающимся. В. Лепяхин предполагает, что подобная реакция связана с неудачным изображением лика святого дитя. Картина вызывает у Вакулы лишь «жалость, а не восхищение и молитву» [Лепяхин 2000: 212]. Таким образом, Н. В. Гоголь пародийно показывает земной дворцовый мир.

Справедливо будет отметить, что герой смотрит на картину глазами художника. Он подмечает те тонкости, которые известны только мастеру изобразительного искусства: кузнец различает *вохру*, *ярь*, *бокан*, даже указывает на то, что грунт наведен *блейвасом*. Любопытно, что некоторые краеведы называют прототипом образа Вакулы живописца В. Л. Боровиковского [Кучеренко 2011]. Символично, что именно В. Л. Боровиковский одним из первых изобразил Екатерину II не в официальной традиции, а как простую женщину, без привычных атрибутов монарха (речь идет о полотне «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке»).

При дальнейшем анализе пространства дворца находим еще одну занятную деталь. Для встречи с императрицей запорожцам и Вакуле после лестницы пришлось пройти

сначала через 6 комнат. Их количество можно соотносить с временными рамками. Встреча происходит на шестой день – в рождественский сочельник, время ожидания чуда, которое случается для Вакулы, – Екатерина II дарит ему черевички. Для казаков же чудо оказалось кратковременным, мнимым – Запорожскую Сечь расформировали, потому что государство нуждалось в регулярном войске.

Весьма любопытной оказывается трактовка образа Потемкина, изложенная Е. Дмитриевой. Литературовед усматривает в описании князя, которое дает Гоголь, демоническое начало [см.: Ольшанская 2004]: «...волосы на нем были растрепаны, один глаз немного крив» [Гоголь 1994: 24]. Е. Дмитриева подчеркивает, что кривизна в народных поверьях – признак черта [см.: Ольшанская 2004].

В работе «Храни Господь Потемкина» Н. Ф. Шахмагонов называет князя одним из главных представителей екатерининской свиты. Ссылаясь на изображение фаворита в «Ночи перед рождеством» Н. В. Гоголя, историк отмечает амбивалентность в поведении Потемкина, который, с одной стороны, проявляет интерес к судьбе казаков и дает непросвещенным определенные инструкции. Но в момент оглашения визитерами основной просьбы о проявлении милосердия князь демонстрирует некую отрешенность от процесса. В доказательство этой точки зрения ученый обращается к тексту произведения: «*Потемкин молчал и небрежно чистил небольшою щеточкою свои бриллианты, которыми были унижены его руки*» [см.: Шахмагонов 1991: 25].

Почему же князь хмурился и улыбался вместе? Поведение Потемкина говорит о том, что на его глазах происходит ломка «искусственной» ситуации. Он заранее обучал запорожцев тому, как нужно говорить с императрицей и какие действия совершать. При этом князь «*поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил*» [Гоголь 1994: 24]. Таким образом, подчеркивается резонирующая роль казаков. Путем использования антитезы «живое» народное противопоставляется «искусственному» царскому и дополнительно иллюстрируется несамостоятельность, зависимость Екатерины Великой.

Гоголевская антитеза проявляется и на речевом уровне. Речь Екатерины отвечает всем нормам русского литературного языка, тогда как в речи запорожцев присутствуют просторечия и диалектизмы: «*Та спасиби, мамо! Провиянт дают хороший...*», «*...Як же, мамо! ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить*» [Гоголь 1994: 24].

Таким образом, Гоголь показывает отдаленность Екатерины от народа: «*Светлейший [Потемкин – авт.] обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор еще не видела*» [Гоголь 1994: 24]. Именно поэтому она рассматривает запорожцев с любопытством, устремив глаза. Важно отметить, что на момент встречи с представителями Запорожской Сечи Екатерина II уже 12 лет являлась полноправной обладательницей российского престола. Гоголь сатирически изображает ее в качестве зрителя, с интересом наблюдающего театральную постановку, режиссером которой является Потемкин. «*Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это нетрудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие!*» [Гоголь 1994: 24], – приписывая эту реплику Екатерине, Гоголь лишает ее ореола созидания и милосердия, превращая щедрость императрицы в фарс. В этом свете в фарс превращается и ее обещание сохранить Запорожскую Сечь, которая в конечном итоге была упразднена по приказу Екатерины Великой через год после визита казаков.

Согласно историческим данным, процесс расформирования Запорожской Сечи начался в 1775 году. Но казаков не устроило данное решение государыни, и они

организовали другой военно-административный центр – Задунайскую Сечь, которая просуществовала до 1828 года. Напомним, что Гоголю на тот момент было около двадцати лет. Но «легенды, предания о подвигах запорожцев были живы. Семья Гоголя верила, что сподвижник Богдана Хмельницкого наказной атаман Евстафий (Остап) Гоголь – их прямой предок. Отсюда чувство сопричастности к истории казачества» [Гаджиева 2006: 184].

Неслучайно екатерининской свите Н. В. Гоголь противопоставляет Д. И. Фонвизина. Хотя писатель и не называет конкретной персоналии, но по реплике Екатерины II легко распознать создателя русской бытовой комедии. На нем *скромный кафтан*, который явно уступает расшитому мундиру Потемкина. Пуговицы его проще, *перламутровые*, не золотые, без вставок драгоценных камней. На наш взгляд, это еще один способ выражения неоднозначного отношения Гоголя к исторической личности императрицы. Скромность персонажа Фонвизина резонирует с «ненужной роскошью и чопорностью дворцового этикета» [Степанов 1959]. Образ сатирика здесь интересен в параллели с усмевающимся Христом на картине.

Есть по этому вопросу и альтернативная точка зрения. И. Вишневская считает, что упоминание Фонвизина полифункционально. С одной стороны, это иллюстрация преемственности традиций сатирического ремесла, с другой – «признание творческой близости» гения [Вишневская 1982: 6]. И. Сухих, разделяя точку зрения большей части деятелей искусства XVIII века, называет Фонвизина «официальным оппозиционером и постепенцем» [Сухих 2012]. Исследователь сообщает, что Фонвизин, будучи ярким противником самодержавного деспотизма, возлагал большие надежды на просвещение, «мечтал о просвещенной монархии, которая постепенно устроит жизнь по законам разума» [Сухих 2012]. По мнению сатирика, Екатерина II нужными качествами не обладала.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что структура анализируемой повести схожа с принципами построения волшебной сказки, которые активно рассматривал В. Я. Пропп. Весь путь Вакулы представляет собой испытание, что отсылает нас к классической волшебной сказке [Пропп 1969: 134–166]. Согласно теории В. Я. Проппа, для удачного преодоления этого испытания герой получает помощника. В данном случае это черт, который способствует переходу Вакулы в иное царство – Петербург, где кузнец получает искомый предмет. Императрица же выполняет функцию дарителя, приказывая подать простодушному кузнецу *башмаки самые дорогие, с золотом*. Помощник вновь осуществляет переход Вакулы в другой мир, а в финале повести испытание оканчивается женитьбой на Оксане.

В этом отношении мы можем отметить еще одну черту Екатерины II – эмпатичность. Как истинно любящая женщина, она прочувствовала силу душевных терзаний Вакулы и радушно поспособствовала разрешению дел сердечных. Ведь в тот момент императрица находилась рядом с любимым человеком. Обнаруживаем интересную параллель: бриллианты на пальцах Потемкина, вероятно, преподношение Екатерины II – знак любви и благодарности. Тем же являются и башмачки, подаренные Оксане Вакулой.

Также параллель между образами императрицы и Вакулы фиксируется с помощью мотива «скользкости». Кузнец с осторожностью передвигается по дворцу, «*опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете*» [Гоголь 1994: 24]. Эта деталь, с одной стороны, показывает, что Вакула идет по скользкому, опасному пути. А с другой – выражает неуместное положение жителя «окраинного мира» в пространстве «мира дворца» [Злыднева 2008]. Мотив скользкости связан с образом государыни через комплимент

Вакулы ее ножкам. Кузнец льстиво предполагает, что ее благородие ходит в них «на лед ковзаться» [Гоголь 1994: 24]. Глагол ‘ковзаться’ в украинских диалектах имеет значение ‘кататься’. Здесь тоже можно усмотреть двойную трактовку. Екатерина II ступает на скользкий путь, когда приближает к себе Потемкина. Ее отношения с фаворитами обрастали большим количеством слухов и домыслов, досаждая репутации императрицы. Так же государыня может расцениваться как представитель, чужеродный миру дворца, немка на русском престоле.

Сравнивая ножки государыни с сахаром, Вакула подчеркивает их белизну, сладость, стройность. В данной ситуации он переводит ракурс читателя с официальной характеристики Екатерины на женскую составляющую ее образа.

Императрица участливо интересуется об обычае женитьбы: «...я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся» [Гоголь 1994: 24]. На что казаки уверяют ее, что «без жинки нельзя жить» [Гоголь 1994: 24]. Это не могло не порадовать Екатерину, которая сама благодетельствовала вниманием дорогого ее сердцу человека. Удовлетворенное женское самолюбие не позволило в тот момент разгадать двойной смысл высказывания казаков. Визитеры как бы между делом упоминают, что жен на Сечь не берут, ведь военные дела – не женские заботы. А государыня, тем временем, была полковником лейб-гвардии Семеновского полка.

Примечательно и то, что казаки в обращении к представителям власти используют традиционную для славянских языков форму звательного падежа: *та вси, батько; та спасиби, мамо*. Так они не только демонстрируют свое простодушное уважение к данным личностям, но и тонко подмечают характер взаимоотношений Екатерины и Потемкина, будто наделяя их ореолом супружества.

Остроумные казаки смогли оказать воздействие на чувствительную женскую натуру. Неслучайно Вакула называет их хитрым народом.

Таким образом, мы можем отметить следующие принципы формирования образа Екатерины II в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»:

1. акцент на женской сущности Екатерины II в противовес царственному началу – Гоголь рисует портрет, в первую очередь, женщины на престоле;
2. неполный портрет государыни, отсутствие прямых указаний на внешность императрицы;
3. образ раскрывается в ходе беседы Екатерины II с казаками и Вакулой;
4. подарки Екатерины, сделанные параллельно Потемкину и Вакуле, раскрывают в ней женское начало;
5. сопоставление образов Екатерины II и ее фаворита Григория Потемкина;
6. мнение представителей екатерининской эпохи в лице Д. И. Фонвизина;
7. личное отношение Гоголя к исторической фигуре Екатерины Великой на основании ее ложной сопричастности к судьбе казачества;
8. основообразующий троп – ирония, проявляющаяся на уровне образов-деталей, описывающих саму императрицу, ее свиту и царский двор.

Образ Екатерины-монарха в представлении Гоголя обретает мягкие женственные черты. Она способна не только управлять государством, но и проявлять простую женскую ласку, теплоту, сострадание.

Литература и источники:

1. Вайнштейн О. Как быть красавицей. Идеалы красоты 18–19 вв. [Электронный ресурс] // URL: <https://arzamas.academy/mag/384-beauty> (дата обращения: 10.12.2021).
2. Вишневская И. О повести Гоголя. [Электронный ресурс] // URL: <https://r7.rbook.top/book/14784525/read/>

page/6/ (дата обращения: 12.10.2021).

3. Злыднева Н.В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М.: Индик. 2008. 304 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://culture.wikireading.ru/70141> (дата обращения: 16.10.2021).
4. Зорин А. Л. Последний проект Потемкина. (Праздник 28 апреля 1791 г. и его политическая эмблематика) // Новое литературное обозрение. 2000. № 43(3). С. 113–136.
5. Гаджиева Л. И. Исторические реалии и судьбы казачества в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 7. С. 183–185.
6. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. М.: Русская книга. 1994. [Электронный ресурс] // URL: <https://ilibrary.ru/text/1088/p.24/index.html> (дата обращения: 27.09.2021).
7. Кучеренко О. Вакулу Гоголь срисовал с художника Боровиковского? [Электронный ресурс] // КП в Украине. 2011. URL: <https://kp.ua/life/299852-vakulu-hohol-srysoval-s-khudozhnyka-borovykovskoho> (дата обращения: 11.12.2021).
8. Лепяхин В. Икона в жизни и творчестве Гоголя «Тарас Бульба», «Страшная месть», «Вий», «Ночь перед Рождеством» // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 199–213.
9. Ольшанская Е. Ночь перед рождеством. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.svoboda.org/a/24196109.html> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М. 1969. С. 134–166.
11. Синдаловский Н. А. Очерки Петербургской мифологии, или Мы и городской фольклор. [Электронный ресурс] // URL: <https://history.wikireading.ru/87637> (дата обращения: 15.10.2021).
12. Степанов Н. Л. Гоголь – Творческий путь. 2-е изд. М.: Гос. изд-во худож. лит. – 1959. 608 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/ste/ste-001-.htm?cmd=p> (дата обращения: 15.10.2021).
13. Сухих И. Классное чтение: от горушхи до Гоголя. [Электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/5/klassnoe-chtenie-ot-goruhshhi-do-gogolya-4.html> (дата обращения: 05.10.2021).
14. Шахмагонов Н. Ф. Храни Господь Потемкина. М.: Радуга, 1991. 185 с.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2021